

ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТ

Я стою в ожиданье,
Когда вы вернетесь домой,
Побродив по окрестным лесам.
Очень долгим он кажется,
Ваш выходной,
По земным моим быстрым часам!
Ю. Левитанский. Ожидание

— Тата? Таточка, это ты?

Она чуть не уронила мобильный. Чашка с кофе, которую она элегантно держала на весу, на блюде не ставила, накренилась, и кофе выплеснулся на юбку.

— Черт, вот черт возьми!

— Таточка, к чему ты поминаешь черта?

Тата, кое-как приткнув чашку на стол, пятерней стряхивала коричневые пятна с тонкой светлой ткани. С каждым движением

получалось все хуже и хуже, пятна расплывались и приобретали хвосты, как кометы.

— Тата, ответь мне! Я туда попала или я не туда попала?!

Тата, плечом придерживая трубку, заскулила жалобно:

— Бабушка, почему ты звонишь с какого-то странного телефона?

В трубке помолчали, а потом сказали тоном оскорбленного царственного достоинства:

— Почему со странного? Я телефонную с совершенно нормального аппарата! По крайней мере, на вид он совершенно обычный!

— Кто?!

— Телефон, — пояснили в трубке. — А что ты имеешь в виду, когда говоришь, что телефон странный?

Тата шумно выдохнула и перестала отряхивать юбку. Теперь по дороге на совещание придется прикрывать пятно ежедневником, словно ей так удобно — носить ежедневник на бедре, как индийская женщина кувшин.

— Бабушка, что это за номер? Ты что, не дома?

— Ну конечно, нет, моя дорогая.

— Господи, куда тебя понесло?

В трубке фыркнули, но и фыркание было царственное.

— Сегодня рождение у Юлии Цезаревны, разве ты забыла?

Тата понятия не имела, когда именно день рождения у Юлии Цезаревны, лучшей бабушкиной подруги.

— Ты, конечно же, поздравить Юлечку, когда я передам ей трубку, но, Тата, я звоню по совершенно другому поводу! Ты помнишь, что сегодня пятница?

— Смутно, бабушка, — пробормотала Тата. Проклятые пятна на юбке не давали ей покоя, и она все косилась на них, прикидывая, как именно можно минимизировать потери. Может, перевернуть юбку задом наперед?

Нет, выйдет еще хуже. Тогда пятна будут сзади, что уж совсем... неприлично.

— Что значит смутно? Если ты смутно помнишь такие вещи, значит, тебе нужно принимать специальные капли для головы. Они продаются в аптеке. Я принимаю, и, слава богу, у меня с памятью все прекрасно.

— Прекрасно, — эхом повторила Тата.

— Так вот. О чем я говорила?.. Ты меня сбила, и теперь я не могу вспомнить, о чем говорила. Решительно.

— Ты сказала, что сегодня пятница, бабушка.

— Ах да! Вот именно, сегодня пятница.
О чем нам это говорит?

— И о чем нам это говорит?

— Это говорит о том, что вчера был четверг, а нынче нужно ставить куличи.

Тата взялась рукой за лоб.

Куличи! Вчера и вправду был Чистый четверг, и как это она позабыла? Ей срочно нужно принимать капли для головы.

— Надеюсь, — продолжала в трубке бабушка, — мы все соберемся у тебя, как обычно. Ты, конечно же, всех обзвонила, Таточка?

— Конечно, конечно, бабушка! — лживым голосом поклялась Тата.

Вот почему для бабушки не имеет значения, что тебе сорок лет, что ты вроде бы успешная женщина, много повидавшая в жизни, кажется, даже на грани развода, мать двоих детей, требовательный начальник, исполнительный подчиненный, умница-разумница и просто красавица?!

Когда звонит бабушка, хочется одернуть передник, посмотреть, все ли в порядке с косами, не растрепались ли, вымыть руки, на всякий случай приготовить дневник и быстренько придумать, что бы такое соврать половчее, если бабушка станет спрашивать, ходила ли она вчера на музыку!..

— Тогда все в порядке, — величественно проговорила бабушка. — А я думала, ты забыла и опять все заботы лягут на мои плечи. И я искренне надеюсь наконец-то застать дома твоего мужа. — Это было сказано с нажимом, с намеком, с дальним прицелом и еще черт знает с чем. — Если он не понимает, скажи ему, что это становится неприличным! Не заставляй меня ему звонить.

— Не надо ему звонить, — быстро сказала Тата, — что ты, бабушка!

— Юлечка, иди, дорогая, Таточка хочет тебя поздравить с рождением.

— Таточка не хочет, — пробормотала Тата мимо трубки, чтобы бдительная бабушка не услышала, и тут же возликовала, уже непосредственно в трубку: — Юлия Цезаревна, дорогая Юлия Цезаревна, я вас поздравляю с днем рождения! Живите до ста лет...

— Чего это ты мне так мало отмерила? — немедленно вспылила Юлия Цезаревна. — До ста! Что тут до ста осталось-то? Я и замуж не успею сходить!

Кое-как отделавшись от старух, Тата позвонила матери:

— Мама, сегодня пятница!

— Я знаю, она мне утром звонила. Она сегодня на именинах. Спрашивала, кто будет обзванивать родственников.

— А ты?

— Я сказала, что обзвоню.

Тата пришла в отчаяние:

— А я сказала, что я уже всех обзвонила.

— Врать нехорошо, — подумав, сказала мать. Она что-то смешно жевала, в трубке хрупало, как будто кролик пасся.

— Мама, ты жуешь как кролик! А зачем ей дался мой муж? С этим надо что-то делать, потому что его точно не будет, и я даже не знаю...

Хрупанье прекратилось.

— Как не будет? Опять не будет? На Новый год не было, на Восмое марта тоже не было и опять нет?! Таточка, ты от меня что-то скрываешь! Говори сейчас же.

— Мама, — сказала Тата твердо. — Я ничего от тебя не скрываю. Просто у него много дел, ты знаешь. Сначала он в Милан улетел, потом в Улан-Удэ, а сейчас, кажется, в Югорске. Или нет, нет, в Ханты-Мансийске.

Мать помолчала.

— Тата, вы что, разошлись? — спросила она дрогнувшим голосом. — Ведь происходит что-то такое... ужасное, я же чувствую! И Тёма на себя не похож, и Тюпа!

Тёма и Тюпа — великовозрастные сыновья Таты — бабушке представлялись младенцами в люльках, которых надлежало ука-

чивать, кормить с ложечки и оберегать от всяческих жизненных невзгод.

— Никто ни с кем не разошелся, — бодрым фальшивым голосом уверила врушка Тата. — Мам, я сейчас пойду отпрашиваться с работы и постараюсь вечером приехать пораньше. И как это я забыла про то, что вчера был Чистый четверг! И главное, почему всегда я? Почему у Шуры никто никогда не собирается? Пусть бы Шура пекла и отпрашивалась с работы!

Шурой звали двоюродную сестру.

— У Шуры? — переспросила мать. — В Марьино?

Это верно.

Собрать в Марьино всех родственников, коих в разные годы насчитывалось до двадцати человек, напечь на всех куличей, наделать пасхальных пирогов, творогов, окороков, да принять, да накормить, да уложить, да ухаживать весело, от души, так, чтоб Пасха на самом деле зажглась веселым, утешительным светом, — где это видано?! Да и не поедет никто в Марьино! Все давно привыкли собираться в Боженке, в огромном, старом и бестолковом доме Татиного мужа. Пожалуй, никто из родственников и не помнил, когда собирались у бабушки на Тверской или в доме Татиних родителей в ближнем пригороде, где вокруг

были только научные институты за заборами да свекловичные поля до горизонта!

— Таточка, — говорила тем временем мать, — я сегодня приеду и тебе помогу. Ты можешь с работы не отпрашиваться, моя девочка. Я тесто сделаю, и мы вместе начнем печь.

— Ну да, — неопределенно согласилась Тата.

Все это отлично, но теста для куличей требовалось примерно ведро, и им обоим было совершенно понятно, что мать в одиночку это ведро не одолеет и все ее прекраснодушные предложения — просто так, чтобы дочь оценила ее готовность помочь, и больше ничего.

Конечно, никто не горел желанием отпустить ее с работы, да еще в конце недели, да еще перед Пасхой!

— Всего на полдня, — храбро улыбнулась Тата, когда Павел Петрович вопросительно поднял брови.

— Татьяна, — помолчав, внушительно заговорил Павел Петрович, пропустив мимо ушей упоминание про «полдня», — я, конечно, вас отпущу, но не могу сказать, что вы этой просьбой доставляете мне удовольствие.

— У меня там отгулов накопилось почти на две недели, — тут Тата улыбнулась обво-

рожительной улыбкой, — и все материалы я сдала...

— Рекламная кампания набирает обороты, и мне хотелось бы, чтобы вы отследили ее ход, провели, так сказать, грамотный мониторинг, чтоб мы могли оценить рентабельность и внести коррективы в планы следующего квартала...

Тата слушала, кивала, время от времени записывала в ежедневник, который держала на бедре? — сидеть при этом приходилось изогнувшись, как индийской женщине во время нанесения рисунков хной на подошвы ног!..

Вот далась ей эта индийская женщина!..

Она слушала, кивала, записывала и думала все время об одном и том же — жизнь не удалась.

В последнее время это стало совершенно очевидно.

Муж, которого месяц нет дома.

Тёма и Тюпа — дети — совершенно отбились от рук.

Лялька — собака — пребывала в грусти.

Ей самой на днях стукнет сорок.

Опять весна на белом свете, а кажется, только что была предыдущая весна, и в этой серой череде как будто невыспавшихся, тревожных дней особенно ощущается скоротечность времени.

И так пройдет вся жизнь, и ничего не останется, никаких шансов что-то поправить, изменить, прожить заново!

Почему весной особенно тревожно?..

— ...и при этом совершенно необходимо, — продолжал бубнить Павел Петрович где-то очень далеко, за поворотом сознания, — сохранить лидирующие позиции...

Тата знала, что он ее отпустит, но не откажет себе в удовольствии провести краткий лекторий, цель которого сводится к одному — тебе, матушка, в отгулы захотелось, а у нас тут работы невпроворот, ты это прочувствуй, прочувствуй хорошенько!

И как это она забыла про то, что вчера был Чистый четверг, а сегодня, следовательно, уже пятница?! Куличи нужно печь как раз в четверг, но Тата не придерживалась строгих православных традиций. Самое главное, чтоб куличи были и чтоб накануне Пасхи!

Конечно, начальник ее отпустил, и, чувствуя себя отчасти изменницей родине, отчасти предательницей корпоративных интересов, Тата вернулась к себе в кабинет и стала рассеянно собираться, прикидывая, что именно нужно купить по дороге. Получалось что-то очень много, а денег у нее было маловато.

В этот момент позвонил Тёма:

— Ма-ам?

— А-а?

— Здорово! Ты когда приедешь?

— Сынок, я сегодня пораньше. Меня отпустили с работы, я буду куличи печь. У нас в субботу гости.

— Вот е-мое! А какие гости у нас в субботу?

Тата вздохнула и завела:

— Родственники. Бабушка с дедушкой, прабабушка...

— С прадедушкой? — перебил непочтительный Тёма. — Наша прабабушка наконец-то завела себе прадедушку?

— Тём, — сказала Тата педагогическим голосом, — ну что ты говоришь?

— Я шучу, — пояснил сын. — Это такая шутка. Ты что, не въезжаешь?

— Еще тетя Шура, Аня, Сашка, Машка, дядя Володя...

— Е-мое!

— Лера, Сережа...

— Вот е-мое!

— Тём, мне надоело это дурацкое выражение!

— Мне тоже много чего надоело, — сказал сын угрюмо. — Особенно мне надоел этот придурок Тюпка! Мам, зачем он все время лезет в мой компьютер?

— Наверное, хочет поиграть.

— Не, а почему в мой-то?

— А потому, что у него нет своего.

— Своего компьютера у него нет, а свои родители у него есть? — осведомился сын. — Эти родители могут, в конце концов, купить ему отдельный компьютер? Ну просто для смеха, чтобы он не лез в мой?!

— Тём, давай мы с тобой об этом дома поговорим. Мне сейчас нужно ехать и еще в магазин забежать...

— Не, а почему он в мой-то лезет?

— А своего у него нету!..

И тут ее сын заржал — радостным мальчишеским смехом. В этом он был похож на отца. Тот никогда не умел всерьез раздражаться по пустякам, мусолить обиду, дуться, злиться!..

Самая продолжительная ссора с мужем длилась, помнится, пятнадцать минут. Из них минут пять они препирались, потом разошлись по разным углам, а потом он пришел из своего угла и сказал, что так невозможно, что он так не хочет и не умеет, давай скорей мириться!..

— Ма-ам!

— А-а?

— А может, ты, наоборот, сегодня попозже приедешь? У тебя на работе нет засе-

дания или совещания? Или этого, как его, педикюра?

— Нет, — сказала насторожившаяся Тата, — а что такое? Ты опять назвал полный дом дружбанов и не предупредил меня?

— Назвал, — покаялся Тёма. — И не предупредил.

— Артём! Сколько раз я тебя просила!..

— Вообще-то я папе сказал, — сообщил сын делано безразличным тоном. — А он заявил, что будет тебе звонить и все передаст.

— Когда ты ему сказал?! Как?!

— Очень просто, по телефону! Он звонил, спрашивал, какие у меня планы на жизнь, ну, я ему и сообщил, что сегодня все придут — и Димон, и Влад, и Женька!

Тата помолчала, собираясь с мыслями.

— Он тебе звонил... сегодня?

— Ну да. Как только я из школы приехал. Я ему сказал, чтоб он тебе сказал, а он сказал, что скажет...

— А почему ты сам мне не позвонил?

— Ну, ма-ам, — протянул Тёма, — я же знаю, что ты будешь ругаться! А папа никогда не ругается.

В общем, все это шито белыми нитками.

Ее сын, как и все остальные в семье, чувствует неладное и пытается как-то нащупать почву под ногами. Ну, если родители не

разговаривают, может, их хитростью заставить?! Пусть отец скажет матери про дружбанов, что ли!.. Тёма его попросит, отец позвонит матери, и они о чем-нибудь поговорят, и болотная зыбкость, опасная для всякого, кто в нее наступает, станет чуть потверже и не такой страшной?..

Нет, Тёма взрослый и умный и прекрасно знает, что люди, бывает, разводятся, у них в классе половина родителей поразвелись, ну и что? Только к его, Тёминой, семье это не имеет никакого отношения. Не может иметь. У них все по-другому, и родители не такие, как все остальные, а особенные, молодые, красивые, продвинутые! И однажды Тёма видел, как они целовались. Он вышел на крыльцо позвать собаку и вдруг увидел их под падающим снегом — они стояли и целовались, как малолетние, и это продолжалось и продолжалось, и Тёма, улыбаясь тонкой улыбкой умудренного жизнью старца, вернулся в дом, аккуратно прикрыл за собой дверь и даже Тюпку не пустил на улицу, заманил своим драгоценным компьютером, чтобы ребенок не мешал родителям целоваться под снегом!

А потом все кончилось.

Отец все время в командировках.

Мать все время на работе.

Только Тюпка все лезет и лезет играть на компьютере, придурок!..

Пообещав, что будет ехать долго, как можно дольше, чтобы Тёма успел замести следы, Тата вышла на улицу и вдохнула немало весны.

Весна в Замоскворечье пахла талой водой, автомобильным выхлопом и чуть-чуть вербой, уже надувшей трогательные пухлые щечки. Одинокая захудалая вербочка как раз притулилась возле суперсовременного крыльца, выложенного темным мрамором и облагороженного с двух сторон голубыми елями в кадках. Тата спустилась с крыльца и понюхала вербочку.

Ордынка шумела машинами, копошилась людьми, сияла огнями магазинчиков и ресторанов, где рано зажгли свет, и во всем этом мире верба все равно пахла весной.

— Уже уходите, Татьяна?

Тата открыла глаза — оказывается, она их закрывала.

Он стоял у нее за спиной и улыбался.

Он пришел к ним на работу совсем недавно, встречались они всего раз пять, и он Тате... нравился.

Он хорошо улыбался, хорошо выглядел, кажется, много знал и на Восьмое марта, праздник всех трудящихся женщин, неожи-

данно принес ей мимозы. Не те, что продаются в ларьках или даже в роскошных цветочных магазинах вроде «Садов Семирамиды», а какие-то необыкновенные, невиданные и вовсе не похожие на желтые метелки, а вправду похожие на цветы, пахнущие сладко и остро. Они никуда не помещались, эти необыкновенные мимозы, топорщились, вылезали из всех ваз, и их бархатные листочки деликатно цепляли Тату за ноги, когда она проходила мимо, наконец пристроив их в ведро, выпрошенное у уборщицы Марьи Сергеевны.

Они были похожи на весну, только не московскую, остоженскую, а на южную, победительную и самодовольную, сиявшую сотней желтых пушистых шариков!

И Олег был похож на весну.

— Вы уходите или только пришли, Таня?

Тата неожиданно сообразила, что рассматривает его почти неприлично.

— Я ухожу, Олег, — и она состроила официальную улыбку коллеги и старшего товарища. — Мне сегодня нужно пораньше домой.

Улыбку он не принял.

— А можно мне вас проводить?

Вот этого Тата не ожидала. В предложении «проводить» было нечто старомодное, из школьной жизни.

— Вы можете меня проводить только до машины, Олег. Вот, кстати сказать, и она.

Он посмотрел на ее машину, залитую с одного бока водой из лужи, и пожал плечами:

— Ну, можно ведь до нее дойти каким-то другим путем.

— Каким... другим путем?

— Вот так, — он кивнул головой куда-то в сторону. — Хотите, я вам покажу свой любимый магазин? Он здесь рядом.

— Магазин? — как попугай переспросила Тата.

Ей тут же представились ряды вешалок, а на них пиджаки и брюки. И еще как она заходит, а Олег говорит ей — ну вот, это мой любимый магазин.

Или нет, нет, не так. Длинные прилавки с сосисками, колбасами и сырами в вакуумной упаковке, отдельно молоко и яйца в коробках. И Олег говорит — ну вот, это мой любимый магазин.

Ей, конечно, надо в магазин, и как раз где продаются яйца, мука и масло, но Олег тут совсем ни при чем!..

— Олег, спасибо за предложение, но мне правда нужно ехать.

— Вы меня не поняли, — сказал он и засмеялся. — Вы простите меня, Таня, должно быть, я как-то неправильно выразился.

Здесь, на Ордынке, есть чудесное место, где продается всякий хлам. Старинные светильники, абажуры, сталинские торшеры и прочая ерунда. Там работает мой приятель. Я иногда к нему захожу просто поболтать или посмотреть, что именно он нашел на очередной помойке. Давайте зайдем?..

Тату никто не приглашал на свидания, наверное, лет триста, а может, восемьсот. Последнее свидание — как раз восемьсот лет назад — закончилось полным фиаско, да и свиданием в полном, так сказать всеобъемлющем, смысле слова это никак нельзя было назвать.

Позвонил бывший однокурсник и пригласил Тату в театр. Она долго собиралась, навела красоту — однокурсник, шутка ли!.. Столько лет не виделись, и поразить его воображение своей не только не ухудшившейся, а значительно улучшившейся красотой очень хотелось.

В общем, Тата собиралась, собиралась, поехала, и уже непосредственно в приюте Терпсихоры, или, быть может, Мельпомены, однокурсник объявил, что у него всего час. Так что вскоре ему придется уйти, видимо, даже не дожидаясь конца действия.

И — самое смешное! — он так и сделал. В середине действия он встал, а сидели они в четвертом ряду, повернулся спиной к сцене,

на которой страдал главный герой, и, извиняясь перед потревоженными зрителями, стал пробираться к выходу.

А Тата осталась досматривать, красная как рак и глубоко несчастная. Ей казалось, что главный герой со сцены теперь смотрит только на нее, как на главную сообщницу негодяя, и с отвращением смотрит, и она готова была провалиться сквозь пол, напрямиком в театральный подвал.

Так Тата и не поняла, для чего однокурсник все это проделал!.. То ли, увидав Тату, он так перепугался ее улучшившейся за годы разлуки красоты, то ли у него и вправду что-то случилось, только на свидания она больше не ходила.

Да, собственно, и не приглашал никто!..

А Олег пригласил? И это свидание или не свидание? Как понять?

Конечно, хорошо, что в сорок лет к делу подключается голова, и можно этой самой головой придумать правильное объяснение чему угодно, и разложить по полочкам эмоции, и разобрать по косточкам чувства, и не дать противоречиям стать совсем противоречивыми, а непониманию совсем непонятным.

Конечно, хорошо, что в сорок у тебя появится то, что в умных книгах называется «жизненный опыт», и этим самым опытом

можно и должно воспользоваться, чтобы не попасть впросак.

Конечно, в сорок все не так страшно, как в восемнадцать!

Все гораздо страшнее.

Олег смотрел на нее и улыбался, и она пребывала в полном смятении чувств.

— Я безопасен, Тата, — сказал он наконец, почему-то назвав ее домашним милым именем. Из всех мужчин на свете до сегодняшнего дня ее так называл только муж. — Ей-богу!.. И в посещении антикварного магазина нет ничего предосудительного, клянусь вам!

Тата немедленно почувствовала себя идиллической.

— Да ничего я не боюсь, — пробормотала она. — Просто у меня дел полно. Впрочем, если это не слишком долго...

— Совсем недолго!

И они пошли по тротуару, достаточно далеко друг от друга, но все же как будто объединенные ее согласием.

— Я рад, что встретил вас.

Она посмотрела вопросительно.

— Возле крылечка, — пояснил он весело.

Ему нравилось ее смущать. В ней странно и притягательно сочетались внешняя зрелость и беззащитная детскость, с ней хотелось играть в слова, в «гляделки», декла-

мировать из романтических поэтов и рассказывать истории о том, как охотятся на львов в пустыне.

Ему казалось, что она во все поверит.

— Какое у вас славное имя — Тата.

— Татой меня зовут только дома, и это никакое не славное имя, а что-то вроде собачьей клички. У нас собаку зовут Ляля. Ее Ляля, а меня Тата! Очень удобно приучать животное откликаться, всего два повторяющихся слога. Это написано в любой книге по собаководству!

— Вас назвали в соответствии с книгой по собаководству?!

— Да нет, конечно, — сказала Тата с досадой. — Меня и вправду так зовут только дома, и я теряюсь, когда меня так называют...

— Посторонние?

Она кивнула:

— Откуда вы узнали, вот загадка!

— Это никакая не загадка. Вы однажды приехали вместе с какой-то дамой, очень красивой, кажется вашей матушкой, и она все время называла вас Татой. А я услышал, вот и все. И мне не хочется, чтобы вы считали меня посторонним.

Тата открыла было рот, чтоб спросить, кем же тогда она должна его считать, уж не своим ли, но решила не спрашивать.

— А мама у меня в самом деле красивая, — быстро сказала она, чтобы что-нибудь сказать. Ей было неловко.

— Говорят, если хочешь узнать, как женщина будет выглядеть в... зрелом возрасте, достаточно посмотреть на ее мать. И все станет ясно.

— Олег, я и сама в достаточно зрелом возрасте! Мне в апреле стукнет сорок. Или это был такой комплимент?

— Комплимент, — покаялся он. У него были веселые карие глаза с золотистыми точками.

Тата быстро посмотрела и отвернулась.

— А что? Вы не любите комплименты?

Она нехотя пожала плечами.

Как можно не любить комплименты или, напротив, их любить? Комплимент и есть комплимент — вроде сказано что-то приятное, и вроде это хорошо, и в то же время никто не обязан сказанному верить.

Хотя в умных книгах — «Наше счастье в наших руках!», «Как приручить мужчину», «Выиграй войну и обрети ЕГО!» — сказано, что комплиентам необходимо радоваться и в них надо верить.

Тата редко радовалась. И уж никогда не верила!..

Ну, вот она точно знает, что сегодня выглядит плохо, не выспалась, да еще чаю на ночь нахлесталась, потому что перед этим наелась винегрета с солеными огурцами и квашеной капустой, и вид у нее теперь, как у китайского подводника — глаза узенькие-узенькие, заплывшие-заплывшие, а щеки, наоборот, желтые-желтые и раздутые-раздутые, — и ботинки надела не те: во-первых, жмут, во-вторых, как-то на редкость неудачно пережимают ногу повыше щиколотки, от чего нога похожа на бледную перетянутую толстую сардельку, а навстречу ей в коридоре попадается Павел Петрович и говорит: «Вы сегодня особенно прекрасно выглядите, Татьяна Алексеевна!»

По мнению авторов умных книг, Тата должна возрадоваться, посмотреть на себя глазами Павла Петровича и не найти в себе ни одного недостатка, но она-то знает, что их тьма! И вряд ли Павел Петрович ослеп, оглох, потерял обоняние, осязание и разум, ибо только в таком состоянии можно все эти недостатки не заметить!

Нет, Тата не любила комплименты и не умела им радоваться!

И муж никогда ей не говорил, сколь она прекрасна.

Он был двадцать лет на ней женат, и двадцать лет его комплименты выглядели следующим образом: она спрашивала, хорошо ли выглядит. Он отвечал: ты очень красивая женщина.

При этом он мог смотреть в окно, в телевизор, в журнал или в Тюпину книжку, если Тюпа требовал, чтобы папа ему читал.

Зачем мне на тебя смотреть, я и так знаю, что ты красивая!..

В переводе на нормальный женский язык это означает — отстань от меня.

И Тата отставала. Приучила себя отстаивать...

Под ногами было скользко и как-то не слишком надежно, а Тата на каблуках, и теперь перед ней стоял практически неразрешимый вопрос — взять Олега под руку или не брать.

Не взять — можно животом плюхнуться в жидкую, размолотую ногами кашу.

Взять — не будет ли это слишком фамильярно и не подумает ли он чего!

Сорок лет — это прекрасный возраст женственности и осознания себя в этом мире. Тата решительно не могла понять, осознала она себя в своей женственности или пока еще нет.

По всей видимости, нет.

Тут — на мысли о женственности — она и поскользнулась, и Олег ее поддержал. Он поддержал ее совершенно естественно, и Тата сказала себе, что это нормально, не мог же он позволить ей плюхнуться! И руку свою на ее локте оставил тоже совершенно естественно, и Тата сказала себе, что это нормально, а вдруг она опять поскользнется!..

— Вы любите весну?

— А? Весну?

Она понятия не имела, любит весну или не любит. Как не имела понятия, любит ли она человечество в целом. Весной она любит весну, зимой любит зиму. Любит, чтоб на Новый год был снег, морозец, и чтоб в Боженке на участке бенгальские огни втыкали в сугроб, и чтобы за нос щипало. В октябре любит запах дыма, опавших листьев, подмороженных яблок, которые, если надкусить, оставляют во рту холодный винный вкус. Летом любит, чтоб было жарко и чтоб можно было носить сандалии с открытыми пальцами — тогда виден красный лак на ногтях — и длинные льняные сарафаны, и чтоб теплый ветер непременно трепал подол! А весной...

Весной ей всегда тревожно, и ничего с этим нельзя поделать.

И сейчас ей тревожно от его руки, от его золотистых глаз, от того, что он рядом, такой высокий, незнакомо пахнувший, в распахнутой куртке!..

Зачем он спрашивает?.. И так все ясно.

— Я люблю Пасху, — сказала Тата, чтобы не отвечать про весну. — Мы всегда куличи печем. Это семейная традиция. Я как раз сейчас должна метаться по магазинам и покупать муку, изюм и масло. В куличи нужно очень много масла. И это очень долгая история — куличи, а я вместо этого, видите, с вами иду к вашему другу!

— Во-первых, я счастлив, что вы идете со мной к моему другу. А во-вторых, куличи можно и в булочной купить. Зачем вы их сами печете?

— В магазине? — переспросила Тата и засмеялась.

Покупать куличи в булочной казалось ей дикостью.

Бабушка Татьяна Львовна говаривала, что чем покупать кулич в магазине, лучше тогда совсем без него!..

Еще Татьяна Львовна говорила, что весь смысл кулича в том, что пекут его с любовью, с радостью, предвкушая еще большую пасхальную радость, а вовсе не в том, чтоб в какой-то определенный день весны взять да и

съесть кусок сдобной булки! Ее можно и просто так в любой день съесть, без всякой Пасхи!

А еще Татьяна Львовна говорила, что даже в войну, в эвакуации, когда ничего невозможно было ни купить, ни достать, как-то ухитрялись, меняли на молоко, муку и масло последние вещички или немудреное прабабушкино золото, полученное в наследство, только куличи все равно пекли. И не было за годы войны ни одной Пасхи без кулича!

А еще Татьяна Львовна утверждала, что для этого тайного и многотрудного дела все женщины семьи должны собраться вместе, все должны поучаствовать и все должны думать о любви. И только в этом случае кулич получится такой, каким ему должно быть, — пышный, легкий, пропеченный, с глянцевыми спинками запекшихся изюминок на высокой золотистой маковке.

И все это она рассказала Олегу, радуясь тому, что он слушает так внимательно, с таким искренним интересом, и ей даже жалко стало, когда он вдруг придержал ее за руку и сказал:

— Мы пришли.

С жестяной крыши над крылечком потопком лилась вода, прямо на голый обмороженный куст, каждая веточка была в ледяном панцире. По трубе скатывались оттаявшие